

Максим Иванов,

журналист

А Родина у них одна

*Реликвии
нашей национальной
культуры за рубежом:
где они,
в каком состоянии,
что мы знаем о них?*

...Он разложил их на столе веером: небольшие любительские фотоснимки — десяток цветных иллюстраций. Беглого взгляда на них было достаточно, чтобы сразу понять, о каких ценностях подробно и долго рассказывал этот уважаемый человек, жизнь которого давно уже словно поделена надвое: он не сумел остаться русским, ибо привык жить иначе, чем мы здесь, как не смог он стать до конца американцем. Чужбина в любом случае — мачеха.

Он небогат, но у него престижная, как он говорит, работа на одной из киностудий. Раз в году он старается побывать там, где родился и вырос, — в Ростове.

Трудно сказать, случайны или нет в его судьбе и наш разговор, и эти цветные фотографические карточки, за каждой из которых — удивительная судьба произведения искусства. Ближе всех к краю стола лежит снимок с работы Айвазовского «Новый мир» («Страна Колумба»). Различима подпись на оригинале: «Aivazovsky, 1899».

Закатное солнце освещает три огромных галерея, небольшую шлюпку с людьми, направляющуюся к берегу. Розовое закатное небо, тихое розовато-зеленое море (для Айвазовского это цветовое сочетание характерно, его не спутать ни с каким другим). Удивительное впечатление даже на фотографии производит эта картина!

Были среди тех веером разложенных открыток работа Куинджи «Украинская ночь», превосходный вариант широко известного полотна Поленова «Христос и грешница», два портрета кисти Крамского (мужской и женский), работа Клевера, статуэтка Коненкова «Пан, играющий на свирели»... Некоторые из этих произведений могли бы составить гордость любого государственного собрания. Однако случилось так, что ни полотно Айвазовского, ни работы Крамского и Поленова... ничто из того, что довелось тогда увидеть, не возвратилось в те места, где должно бы находиться по праву...

Хочу рассказать еще одну историю, как покажется сначала, совсем непохожую на первую.

Львов, 1941 год. Почти сразу же после оккупации города фашистами в дирекции картинной галереи появился подтянутый офицер-эсэсовец. Чуть поклонившись директору, он молча положил на стол какую-то бумагу. Этот листок и поныне хранится в шкафу бывшего директора. В верхней части его гриф: «Генеральное управление. Генеральный губерна-

тор». Чуть ниже на ломаном украинском начертано: «Отверждаю видиз следующих предметов державной картинной галереи». И наконец, заверено все это круглой печатью: «Бермбех, референт губернатора».

— По этой расписке, — рассказывал нынешний директор галереи Возницкий, — из галереи были изъяты шесть картин итальянской и немецкой школ.

Акция эта, увы, не стала единственной, как вначале надеялись сотрудники музея. Грабеж, обставленный формой закона (при каждом изъятии выдавалась справка), продолжался во всевозрастающих масштабах. Бесценными картинами украшались помещения губернатора, его комнаты в отеле «Жорж», казино, квартиры генерал-лейтенанта Бейтла и так далее. Всего же только из галереи было похищено 29 произведений мастеров искусства XVI—XX столетий, среди них наиболее ценные — автопортрет Рембрандта, портрет Изабеллы Австрийской работы Яна Госсарта, полотно Рубенса «Пастух и пастушка».

Великоценные вещи были выкрадены фашистами из львовского музея Оссолиниум, в том числе единственное в своем роде собрание рисунков Альбрехта Дюрера (двадцать семь бесценных листов).

После захвата фашистами Львова конфискованные рисунки были переданы Герингу, который в свою очередь подарил их Гитлеру для «музея фюрера» в Линце. По свидетельству немецких литераторов и общественных деятелей Рут и Макса Зейдевиц, занимавшихся проблемой розыска похищенного фашистами, рисунки Дюрера после войны попали в организованное американцами специальное хранилище для художественных ценностей. Затем американцы передали дюреровские листы не имевшему на них юридического права частному лицу, которое в свою очередь продало их с аукциона в Швейцарии. Рисунки Дюрера, бесценное львовское собрание разошлись по частным коллекциям и музеям западных стран. Где же они находятся ныне? Выяснилось, что часть из них осела в американском музее «Метрополитен»...

— Даже по меркам буржуазного права их место во Львове, — горячася, говорил мне писатель В. Осокин, много сил отдавший поиску и возвращению наших национальных ценностей, находящихся за пределами Отчизны. — Наконец существует декларация, подписанная тремя великими державами (СССР, США и Великобританией) 5 января 1943 года

и опубликованная в Москве, Вашингтоне и Лондоне, которая касается вопросов похищения фашистами во время войны памятников культуры, принадлежащих другим народам. Один из обязательных для всех пунктов декларации гласит: «Похищатели или лица, позже приобретшие краденые предметы искусства, должны возратить их после окончания войны пострадавшей стране».

Однако еще остаются невозвращенными сотни похищенных только в одном Львове произведений искусства. И первый, и второй рассказанные эпизоды (именно поэтому я остановился на них достаточно подробно) — две составляющие одной большой и чрезвычайно важной проблемы — проблемы поиска, изучения, учета и, если возможно, возвращения на Родину того, что по нравственной и юридической своей принадлежности должно находиться только здесь, в СССР, в музеях и хранилищах Львова, Харькова, Киева, Минска, Ленинграда, Одессы, Орла, Курска, Воронежа.

Приведу цифры. Писатель Ю. Семенов, рассказывая в интервью газете «Правда» о своей работе, связанной с поисками похищенного во время войны в СССР, говорит о 330 000 произведений искусства (вдумайтесь в эту цифру!) не возвращенных Взадумом нашим музеям и картинным галереям. А сколько еще ценностей оказалось за рубежом в период эмиграции из Республики Советов большинства тех, кто стоял у кормила былой власти! Раз уж мы обратились к истории, совершив небольшой экскурс и в прошлые, позапрошлые столетия, вспомним хотя бы о русских православных церквях, монастырях, соорудившихся империей едва ли не во всех частях света. Из России доставлялись туда грандиозные ценности. Многие из этих культовых сооружений (в Турции, на Афоне, в Иерусалиме, на Синае) — гордость и слава безвестных русских мастеров, находятся ныне в катастрофическом состоянии, а бесценные шедевры практически без присмотра.

Возьмем (оставив пока в покое произведения искусства), к примеру, лишь книжные сокровища Афона, Иверонского и Пантелеймоновского монастырей. Эти историко-религиозные центры издавна связаны прочными культурными связями с Россией и, несомненно, нуждаются в серьезном научном изучении.

Сейчас сокровища их, смешно сказать, охраняются несколькими доживающими свой век монахами.

— Ни о каком учете книг, возраст которых исчисляется несколькими сотнями лет, или научном их изучении говорить просто не приходится, — рассказывает председатель Российского палестинского общества Э. В. Удацкова. — Бесценные рукописи, списки, свитки губят не только и не столько частые пожары, небрежение, сколько полное отсутствие читателей. Страницы старых фолиантов, среди которых, быть может, есть и отрывки из «Слова о полку Игореве», не перелистываются сотни лет, слипаются — книги гибнут: им не хватает человеческого внимания, тепла рук. Та же безрадостная картина в монастыре Св. Екатерины на Синае. Лишь совсем недавно к его книжным сокровищам был открыт доступ ученым (первыми же из них стали американцы). А ведь Синай — центр не менее важный в научном отношении, чем Афон, и,

конечно, гораздо менее изучен нами. Вероятно, немало ждет там вдумчивого исследователя удивительных находок...

Можно долго рассказывать о судьбах этих картин и книг, изделий фарфора, икон, предметов декоративного искусства. Пути их за рубеж были различны, истории же, которые могли бы рассказать сами вещи, весьма часто напоминают детектив. Даже то, что мы знаем сейчас о похищенном или покинутом, находящимся без присмотра или, наоборот, слишком хорошо охраняемом, малая толика того, что мы должны знать, и уж совсем небольшая часть этих бесценных вещей доступна взгляду советского человека. Как правило, знакомство с ними пока происходит случайно.

Возможно ли хотя бы наладить учет того изначально принадлежавшего нашей культуре, что находится сейчас за рубежом?

Этой проблемой еще в предвоенные годы (а тогда все было гораздо сложнее) занимался В. Д. Бонч-Бруевич, хорошо организовавший работу по изучению русских памятников за рубежом. Притом не только в государственных, но и в частных собраниях. Так что определенный опыт есть. Важно лишь толково воспользоваться им.

«Возможно ли? Не только возможно, но и необходимо!» — таково мнение академика Бориса Александровича Рыбакова, с которым удалось побеседовать по данному вопросу.

— Не знаком со всей глубиной проблемы, — сказал Борис Александрович, — вероятно, нашим ученым необходимо тщательно взвесить все юридические аспекты, но одно могу утверждать без сомнения: дело это для нас наиважнейшее. Ибо культурные ценности, рожденные в нашей стране и расплывшиеся сейчас по всему миру, поистине громадны. Слова свои я мог бы подтвердить не одним примером.

Проблема учета — одна из составных проблемы возвращения, несомненно, требует государственного подхода. Назрела настоятельная потребность в налаживании системы, организации, которая сумела бы привлечь и направить усилия тысяч добровольных помощников доброго начинания как в нашей стране, так и тех из русских, что волею судеб разбросаны по всему свету, но могли бы принять в этой работе посильное участие.

— Только в США, по данным журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», проживают около 2,5 миллиона человек, считающих себя русскими, — такой пример привел мне первый заместитель председателя президиума Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина») Г. В. Горшков. — Наивно и, более того, вредно полагать, что большинство из них «иваны не помнящие родства». А их поддержка в огромной по объему работе учета наших национальных святынь за рубежом стала бы неоценимой.

Не беремся судить, какой конечный вид могут приобрести организационные формы этой работы. Проблема требует специального и всестороннего изучения. Но уже сегодня, как убеждены многие, значительно увеличить свой вклад в нее могут и призваны Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»).

Главное же — нужна практическая работа, ежедневная и кропотливая. Результат ее будет благотворен для всего нашего общества. Такова, узнал, точка зрения председателя археографической комиссии при АН СССР, доктора исторических наук, профессора С. О. Шмидта, члена-корреспондента АН СССР историка В. Л. Янина.

...Закончить хотелось бы рассказом о людях, которые и за тысячи километров от Родины, несмотря на жестокие порой удары судьбы, сумели остаться по духу своему патриотами. Таков коллекционер из Финляндии Карпинский — он передал мемориальному музею в Куоккала несколько полотен Репина; художник Шишминцев из Сан-Франциско завещал свои полотна городу, в котором родился, — Кургану; сын известного в начале XX века русского художника и изобретателя цвето-оптофонического пианино Баранов-Россинэ передал в Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки инструмент отца, до того несколько лет экспонирующийся в центре Помпиду в Париже. Недавно из США приехала в Казань дочь художника Фешина, проводившего последние годы жизни в эмиграции. Она выполнила последнюю волю отца — захоронила в родной земле, на берегу Волги урну с его прахом. А в дар родному городу соотечественница из США передала 14 работ художника. Цепко держит подобные примеры память. Один из них — история, происшедшая с полотном необычного «трио»: художников Коровина, Клодта, Серова.

Об этой картине — портрете Ф. И. Шаляпина, я знал давно. Подробно об истории ее создания рассказывал сын известного певца — Федор Федорович Шаляпин, проживающий в Италии.

В одну из встреч осенью 1978 года решил спросить Ф. Ф. Шаляпина о том, не является ли по своей нравственной принадлежности этот портрет культурным достоянием нашей страны? Не будет ли он возвращен на родину Шаляпина?

— Будет, — твердо ответил Федор Федорович. — Давно хочу это сделать.

А некоторое время спустя превосходный портрет Шаляпина-отца был передан Федором Федоровичем в Министерство культуры СССР.

Однако ни этого, ни последующих даров (в октябре 1981 года Ф. Ф. Шаляпин передал на Родину несколько полотен выдающихся русских живописцев из семейной коллекции — В. Серова, К. Коровина, И. Левитана) могло просто-напросто не быть, если бы к тому времени не существовал такой «центр притяжения», как реставрируемый в Москве на бывшем Новинском бульваре дом Ф. И. Шаляпина.

Создать подобный не узкомемоориальный, а общегосударственный центр — задача вполне выполнимая. Дело это ближайшего будущего. Забытые, гибнущие порой за рубежом произведения нашего национального искусства требуют помощи, многие из них — немедленной.

...Из памяти не идут фотографии, показанные одним из наших зарубежных соотечественников. Все это хранится в нескольких частных коллекциях в Нью-Йорке.

Долго и обстоятельно говорили мы тогда о возможности возвращения этих вещей на Родину. И все, казалось, согласовали, обсудив вероятные варианты бесценных полотен в дар

нашей стране. Легко было выполнить требование дарителя — указать на картинах: дар такого-то, но когда разговор зашел об отдельном зале для экспозиции, требовании научного описания коллекции, издания каталога... очень скоро дело зашло в тупик. И снова, в который уже раз, подумалось о создании единого центра, который, объединив усилия специалистов, мог бы оперативно (а иногда это очень важно) разрешать все эти такие не простые, но и не столь уже сложные вопросы...

Единственное, что удалось сделать во время нашей последней встречи — перенести шедевры в специально заведенный для таких случаев альбом, который, конечно, редко кто увидит: Думаю, «Новый мир» Айвазовского заслужил большего...

Послесловие редакции.

Проблемы, поднятые в статье Максима Иванова, представляются чрезвычайно актуальными. Памятники всегда воевали вместе с народом, как старая гвардия, ибо воплощены в них лучшие черты народа — героизм и стойкость, извечное стремление к миру, красоте, добру и справедливости. Не случайно поэтому в грозные годы вражеских нашествий стремились завоевать их или уничтожить.

Этим проблемам было посвящено специальное заседание в редакции «Литературной газеты» с участием виднейших советских ученых, представителей заинтересованных организаций и ведомств. Все выступившие за «круглым столом» отметили общественную значимость поднятого газетой вопроса и высказались за поиск конкретных форм работы по выявлению, изучению и охране памятников отечественной культуры, находящихся за рубежом.

Несомненно, свой вклад в это дело может внести Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Недавно президиум центрального совета Общества признал целесообразным подготовить предложения о функциях, задачах и возможном составе комиссии по учету и сохранению памятников отечественной истории и культуры, находящихся за рубежом, при Центральном совете Общества.

Представляется, что после всестороннего изучения этой проблемы комиссия могла бы внести аргументированные предложения и по вопросу возвращения разграбленных на нашей земле памятников, которые являются нашим всенародным достоянием.